

Нѣчто о характерѣ нашего времени. (Нѣсколько словъ по поводу одной журнальной статьи).

«*Вѣкъ безъ идеаловъ* — таковъ приговоръ нашему времени».

«Вѣкъ безъ идеаловъ, вѣкъ безъ будущности, безъ имени, какое-то тусклое пятно въ исторіи».

Эти печальныя слова взяты нами изъ *Русскаго Вѣстника* нынѣшняго года (см. *іюль*, стр. 427). И сужденіе это произнесено не мимоходомъ, а составляетъ едва ли не главную тему нѣсколькихъ статей, въ которыхъ оно поясняется разборомъ современныхъ произведеній русской литературы и повторяется въ различныхъ формахъ и развитіяхъ. «Недугъ безъидеальности, беспринципности, страшный упадокъ умственного и нравственного уровня», — выраженія, которыя тутъ встрѣчаются на каждой страницѣ, какъ характеристика нашего времени. Приведемъ еще одно особенно настойчивое мѣсто изъ послѣдней книжки:

«Отсутствіе идеаловъ, ненависть къ идеаламъ, протестъ противъ духовнаго неравенства, протестъ ординарныхъ умовъ противъ болѣе развитыхъ организацій — вотъ исходный пунктъ броженія, грозящаго обществу общимъ пониженіемъ интеллектуальнаго и нравственного уровня. Дѣйствительно, подъ видимыми успѣхами того матеріальнаго прогресса, которымъ такъ кичатся ординарные, средніе умы, наше время таитъ въ себѣ симптомы внутренняго упадка» (*Русск. Вѣстн.* 1873, августъ, стр. 829).

Такія мнѣнія стоятъ того, чтобы на нихъ остановиться; они безъ сомнѣнія составляютъ выраженіе того чувства, которое давно знакомо многимъ, и не разъ было выражаемо, но которому суждено все больше и больше распространяться, — чувства, что люди потеряли руководящую нить своего прогресса, что въ наше время происходитъ крушеніе старыхъ началъ жизни и не видно нарожденія новыхъ. Сознаніе того, что въ такомъ именно положеніи находится дѣло

человѣческаго развитія, по немногу пробивается вездѣ, и нѣкоторыя черты этого положенія уже очень ясны.

Во первыхъ ясно, что прежнія начала утрачены не въ какомъ нибудь отдѣльномъ обществѣ, не въ отдѣльной странѣ или литературѣ, а во всемъ просвѣщенномъ мѣрѣ. Внутреннее разложеніе той цивилизаціи, которая одну себя считаетъ за цивилизацію, то есть западной или европейской цивилизаціи — вотъ явленіе, о которомъ первая мысль принадлежитъ нашимъ славянофиламъ, но которое потомъ, послѣ 1848 года, все чаще и яснѣе сознается самою Европою. Объ этомъ много и вѣско сказано у Герцена, Прудона, Ренана, Карлейля.

Что же касается до насъ, русскихъ, то въ нашей литературѣ и въ нашемъ умственномъ настроеніи только отразилось состояніе духовной жизни Европы. Вліяніе Европы на насъ всесильно, въ особенности на тѣхъ изъ насъ, кто неспособенъ къ большой самостоятельности, слѣдовательно на массу, на большинство, почти на всѣхъ. За немногими исключеніями, которыя за то тѣмъ блистательнѣе, чѣмъ рѣже, мы слѣпо движемся по тому направленію, куда гонитъ насъ примѣръ Европы. И такъ разложеніе старыхъ началъ въ Европѣ должно было отразиться у насъ какъ бы съ физической неизбѣжностію. Если это не такъ замѣтно съ перваго взгляда, то причина въ особенныхъ обстоятельствахъ маскирующихъ явленіе. Наша литература и наше общество почти сплошь состоятъ изъ западниковъ, но разумѣется большая часть ихъ не представляетъ ничего яснаго и опредѣленнаго; безтолковая путаница идей, самая пестрая сочетанія разнородныхъ понятій — вотъ обыкновенное состояніе нашихъ умовъ. Но если взять людей болѣе послѣдовательныхъ и нѣсколько серьезно вдумывающихся въ свои убѣжденія, то и тутъ нужно различать два разряда. Одни — западники послѣдовательные, съ жаромъ и смѣлостію принимающіе идеи Европы; такіе умы непременно приходятъ къ большому или меньшему нигилизму, то есть повторяютъ въ себѣ духовное состояніе Европы, давая ему только рѣзкія и даже своеобразныя черты въ силу того возбужденія, которое свойственно неофитамъ. Другіе — западники непослѣдовательные, старовѣры, медлители, западники на манеръ

сороковых годовъ. Эти люди, не имѣя жара и смѣлости нигилистовъ, стараются за то опереться на обширныя и основательныя познанія, и сюда принадлежатъ многіе люди, отличающіеся большимъ образованіемъ. Они упорно отвергаютъ нигилизмъ, упорно преклоняются передъ Западомъ, и не смотря на то ихъ мысли и убѣжденія остаются на степени очень смутныхъ надеждъ и стремленій. Они любятъ, какъ говорится, *все прекрасное и высокое*, но поражены бываютъ страннымъ безсиліемъ, непреодолимымъ раздумьемъ въ самыхъ существенныхъ вопросахъ. Голоса этихъ людей иногда раздаются очень громко, но ничего цѣлаго и связнаго не выходитъ изъ этихъ отдѣльныхъ умныхъ рѣчей. Очень часто эти разумные и просвѣщенные люди стыдятъ нашу литературу ея глупостями и настойчиво указываютъ на Западъ, въ которомъ, имъ кажется, есть какія-то твердыя начала. Между тѣмъ что мы видимъ на опытѣ, на фактѣ? Люди съ оттѣнкомъ нигилизма не только указываютъ на Западъ, но и подражаютъ ему въ своихъ писаніяхъ, усердно переводятъ его книги, горячо проповѣдуютъ его ученія. Напротивъ западники умѣренные, несмотря на свою ученость и тонкое развитіе своей мыслительной способности, не знаютъ что имъ дѣлать, не умѣютъ держать долгой проповѣди, даже не знаютъ, какія бы книги перевести для просвѣщенія русской публики. Такимъ образомъ въ то время, какъ литература нигилистическаго оттѣнка непрерывно нарастаетъ, всѣ другія направленія существующія въ нашемъ умственномъ мірѣ работаютъ разрозненно, изрѣдка и съ большими перерывами. У нихъ очевидно нѣтъ настоящаго воодушевленія и они не видятъ передъ собою прямаго, яснаго пути.

Выходитъ такъ, что защитники того, что обыкновенно называется идеалами, не имѣютъ достаточно энтузіазма, тогда какъ противники идеаловъ оказываются величайшими энтузіастами. Въ этомъ случаѣ нужно ясно различать между цѣлью человѣческаго стремленія и самымъ стремленіемъ. Цѣль можетъ быть очень ничтожна и безсодержательна, а стремленіе не смотря на то можетъ отличаться большимъ благородствомъ, чистымъ сердечнымъ увлеченіемъ. Человѣкъ есть существо религіозное, то есть такое, которое расположено жить идеями

и ради ихъ жертвовать всѣмъ остальнымъ. Этотъ идеализмъ можетъ быть никогда еще не былъ такъ силенъ въ людяхъ, какъ въ настоящее время, хотя именно теперь идеалы утрачиваютъ свое содержаніе и исчезаютъ. У очень многихъ религіи нѣтъ, а религіозная потребность жива. Люди обеспеченные матеріально, огражденные отъ всѣхъ опасностей, тонко развитые, но не видящіе передъ собою ничего святаго, чему бы можно принести въ жертву свои силы и свою жизнь, начинаютъ мучиться страшнымъ душевнымъ голодомъ, который до тѣхъ поръ не даетъ имъ покоя, пока они не возведутъ чего-нибудь въ идеаль, не дадутъ исхода своей потребности энтузіазма и самопожертвованія. Такимъ образомъ въ нашъ вѣкъ происходятъ огромныя и постоянныя волненія, страстныя, пламенныя, кровавыя, а между тѣмъ дѣйствительныя идеалы все тускнѣютъ и тускнѣютъ.

Если возьмемъ самаго ординарнаго образованнаго человѣка нашего времени, то мы найдемъ въ немъ стремленія, которыя иногда очень воодушевляють его и замѣняютъ ему цѣль жизни, заступаютъ мѣсто всякихъ идеаловъ. Таковы: 1) разрушеніе предрасудковъ, 2) распространеніе грамотности, чтенія и вообще просвѣщенія, 3) возможно-большая свобода, 4) устраненіе болѣзней и другихъ физическихъ бѣдствій, 5) нарощеніе матеріальнаго благосостоянія, 6) болѣе равномерное его распредѣленіе, и т. д. Всѣ эти идеи относятся къ *заботѣ объ общемъ благѣ*, и потому каждая можетъ стать предметомъ безкорыстнаго увлеченія, можетъ внушать почти религіозный фанатизмъ, которымъ и питаются души человѣческія. Между тѣмъ обманъ, посредствомъ котораго въ этихъ случаяхъ заглушается голодъ сердца, часто очень ясно видѣнъ. Тотъ, кто разрушаетъ предрасудки, обыкновенно не понимаетъ ихъ смысла и не знаетъ, что поставить на ихъ мѣсто. Кто хлопочетъ о школахъ и просвѣщеніи, большею частію не знаетъ, чему учить въ этихъ школахъ и что должно составлять основу просвѣщенія. Заботящіеся о свободѣ даже не думаютъ, для чего имъ нужна свобода, куда и на что ее слѣдуетъ употреблять. Люди, ревностно спасающіе другихъ отъ болѣзней и смерти, не умѣютъ ничего сказать на вопросъ, какая же цѣль жизни и здоровья, о которыхъ они такъ хлопочутъ. И тѣ, которые

заботятся о материальном благосостоянии и его равномерном распределении, часто собственным поведением доказывают, что они презирают материальное благосостояние, что ограничиться заботами о нем для себя они считали бы величайшим стыдом; для них непременно нужна прекрасная роль жертвы, и они никак не догадываются, что и каждый из тех, кого они стремятся облагодетельствовать, тоже пожелает чего-нибудь лучшего, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ.

Такимъ образомъ въ наше время цѣль, дѣйствительное благо, смѣшивается со средствами, и люди, не видя цѣли, къ которой могли бы стремиться съ религіознымъ энтузіазмомъ, переносятъ этотъ энтузіазмъ на средства, которыя почему-нибудь имъ кажутся непременно способствующими цѣли, преимущественно на средства отрицательныя, на устраненія помѣхъ къ неизвѣстному и все больше исчезающему въ туманѣ благу.

Понятно, что изъ такого смѣшенія понятій и стремленій должно выйти много дурнаго, что дурное въ концѣ концовъ даже непременно должно перевѣсить хорошее. Если неясна общая и главная цѣль, то частныя стремленія непременно войдутъ въ противорѣчіе съ нею, да не могутъ примириться и между собою, такъ какъ примиреніе ихъ возможно только въ болѣе высокомъ и господствующемъ началѣ. Просвѣщеніе нарушаетъ равенство, равенство не согласуется съ свободою, свобода противорѣчитъ равномерному распределенію благосостоянія, на мѣсто старыхъ предразсудковъ являются новые, вмѣсто суевѣрія преданій является суевѣріе науки, и обыкновенно противники фанатизма сами суть ярые, слѣпыя фанатики.

Если мы скажемъ, какъ признаетъ, хотя и непоследовательно, Джонъ Стюартъ Милль, что *душевное благородство* есть высшая цѣль человека, то ясно увидимъ, что современные идеалы ведутъ къ безпрестанному нарушенію этого благородства. Нѣтъ преступленія или обмана, для которыхъ нынѣшняя Европа не находила бы извиненія, когда они совершаются не ради личной цѣли. Общественная совѣсть, чувствуя свою собственную слабость, оправдываетъ самыя крайнія злодѣйства, если они совершены подъ вліяніемъ политическаго или

соціального фанатизма. Общая норма осталась таже: фанатизмъ до самопожертвованія, до мученичества — признается благороднымъ дѣломъ, но такъ какъ нѣтъ ясныхъ цѣлей для такого религіознаго настроенія души, то и извиняются всевозможныя его блужданія и искаженія.

У насъ эта болѣзнь духовнаго развитія отражается можетъ быть яснѣе, чѣмъ она видна въ самой Европѣ, ея источникъ. Нашъ нигилизмъ имѣетъ явнымъ образомъ религіозное, пуританское, даже прямо аскетическое настроеніе. У насъ не существуетъ развратной литературы, воспѣвающей роскошь и распутныя наслажденія. Наши нигилистки обрѣзываютъ себѣ волосы, надѣваютъ черное платье и кожаный поясъ, точно онѣ поступаютъ въ монахини. И если при слабости нашихъ умовъ, при нашемъ маломъ просвѣщеніи исповѣдуются и дѣлаются величайшія дикости, то покорность идеѣ во всякомъ случаѣ должна быть признана чистою, благородною чертою. Эти малыя и темныя души, очевидно, любятъ свѣтъ и готовы ему слѣдовать. Но понятно, какой просторъ въ этихъ потемкахъ можетъ явиться и для дурныхъ влеченій, и сколько извращенія можетъ быть порождено правиломъ, что *цѣль освящаетъ средства*, — истиннымъ правиломъ всякаго фанатизма.

Н. Страховъ.